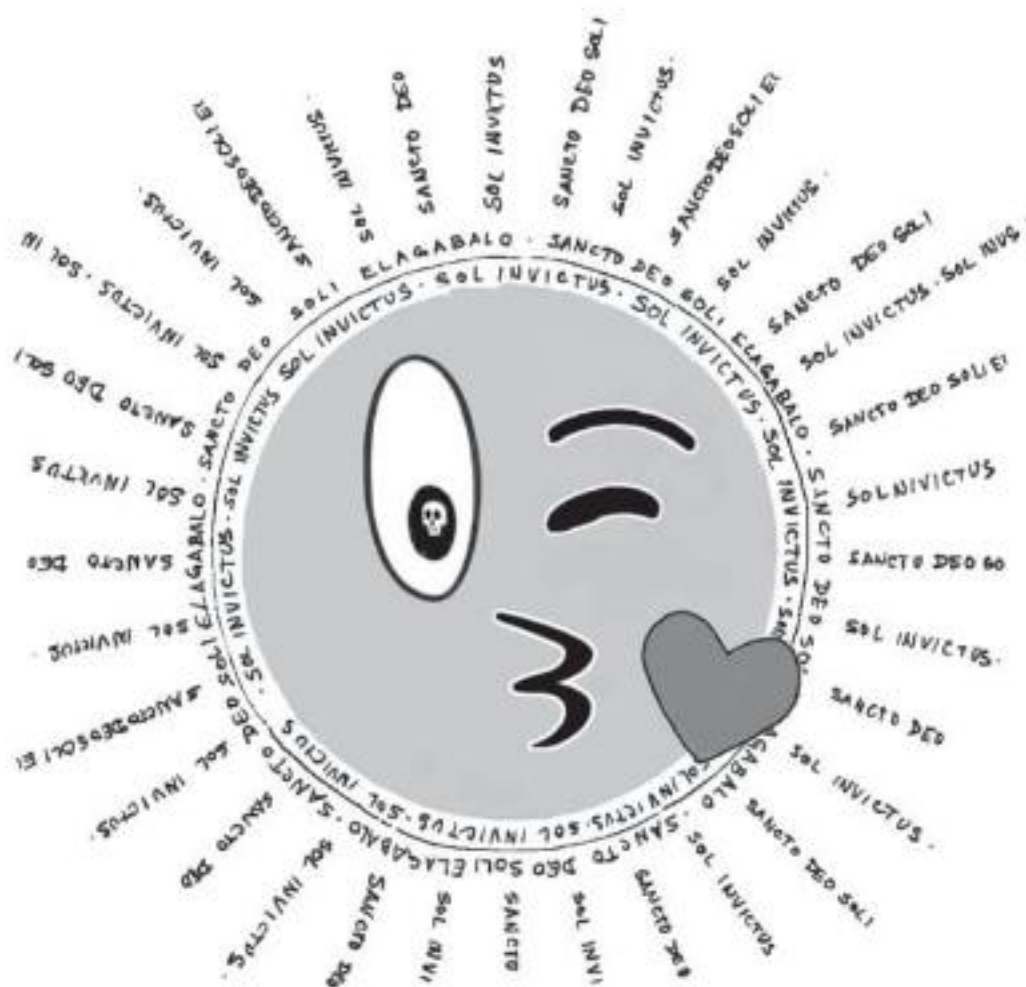

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ

Київ 2020

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ЧАСТЬ I. МАСКИ КАРАКАЛЛЫ

Я решила встретить свой тридцатник, несясь по дороге на мотоцикле.

Я обожаю всяческий символизм. То есть когда жизнь рифмует. Мне даже кажется, что эти рифмы можно подделывать — это и есть магия, симпатическая и очень мне симпатичная. Мы как бы разъясняем толстозадой неповоротливой судьбе, какой хотим ее видеть, и иногда она понимает намек.

Но не всегда, к чему я скоро вернусь.

Технически мой проект был осуществим просто. Моя мама запомнила время моего рождения как «где-то между пятью и шестью вечера» — и мне достаточно было провести в седле примерно час.

Мотоцикл «Tiger», шлем и кожанку я одолжила у знакомой рокерши, которую все звали Рысью (у нее, кажется, даже паспорт был на это имя). Рысь сначала ни в какую не хотела, но когда я честно объяснила ей, в чем дело, прониклась и сжалилась. Она такие вещи понимает.

Рысь старше всего на десять лет, но ведет себя со мной как мама, хотя сама полагает, что это модус старшей сестры.

— Ой, моя девочка, — сказала она, сложив руки на груди, — а это ведь серьезная вежа. Тридцатник в патриархальной педофильской деспотии третьего мира — повод задуматься над ходом времени. И над необратимой судьбой женского организма...

Я показала ей «ОК», сделанный из пальцев. Как сознательная и передовая женщина, я демонстрирую кольцо из большого и указательного вместо патриархального среднего, известного как «фингер». Понимают не все. Рысь, конечно, поняла — но таким ее не смутишь.

— Знаешь, что дальше? — заботливо продолжала она. — Ты будешь постепенно выпадать из педофильского поля охоты. Потом станешь замечать биологические изменения. Кожа, обмен веществ, вот это все. Рухнет самооценка. Легко можешь стать психиатрической пациенткой. В общем, если вовремя не встретишь себя, будет плохо...

— Встретишь себя — это как?

— Я, например, себя встретила на трассе, — сказала Рысь и почесала рыжий ежик. — С тех пор не расстаюсь. Но советы в этой области неуместны.

— Почему? — спросила я, хотя уже догадывалась, что она скажет.

— Потому, — ответила Рысь. — Люди требуют тащить их из дерьма на буксире, чтобы было кого обвинить в неудаче. Я это на себе проходила...

Она протянула мне ключи.

— Разобьешься — не приходи.

Это не входило в мои планы. Я неплохо ездила когда-то на мотобайках — и была уверена, что со времени моего первого азиатского трипа законы физики не успели сильно измениться.

Рысь доверила мне мотоцикл всего на пару часов, поэтому я спешила. План был такой — выехать на Каширку и разогнаться на трассе к Домодедово. Промчать, так сказать, по символической взлетной.

Но там была пробка — столкнулось сразу несколько машин, дорога встала, и заветные минуты прошли бы в ожидании полиции. Поэтому в последний момент я повернула на кольцо, где тоже была пробка, хоть и не такая безнадежная.

Я довольно прилично углубилась в нее, лавируя между машинами под унылый патриархальный мат, пока не поняла, что встречать юбилей на кольцевой — это довольно сомнительное символическое решение. Даже, наверно, еще более сомнительное, чем просто ждать ментов. Но было уже поздно.

Возвращала мотоцикл я в унылом настроении.

Ты символов хочешь, сказала товарищ жизнь, их есть у меня... И самое обидное, что символизм был довольно точным. Так все и обстояло.

Я тоже встретила себя на трассе, только не в том оптимистическом смысле, о котором говорила Рысь. Отличный повод задуматься, что же со мной происходит — и почему вместо прямой как стрела взлетной полосы в свои тридцать лет Саша Орлова едет в пробке по кольцу, лавируя между не особо симпатичными мужскими харями.

Так вот пытаешься что-то разъяснить жизни, а она разъясняет тебе. Жизнь ведь тоже любит намеки и рифмы.

Тридцатник для девушки — это все-таки круто. Скажем так, ты не то чтобы прямо полностью «выпадаешь из педофильского поля охоты» (здесь Рысь, конечно, говорила о своем, наболевшем), но некоторые серьезные симптомы ощущаются.

Думаю, их чувствует любая. Особенно, как было верно подмечено, в патриархальной стране третьего мира, где девочек с детства учат осознавать свою товарную ценность (потому что другой у них просто нет) и бессознательно конкурировать с подругами за воображаемого самца даже на женской зоне.

Нет, в тридцать ты еще красивая, свежая,

и дают тебе то двадцать два, то двадцать пять. Но ты ведь не дура — и видишь рядом настоящих двадцатилеток. И думаешь — боже, какие они грубые уродины... И выглядят старше своих лет, просто ужас. Ну, не всегда так думаешь, конечно, но часто, и это плохой признак.

Потому что в двадцать ты косилась на тридцатилетних и называла их про себя «тетками». А теперь все поменялось местами. Нет, ты еще не тетка, но больше не сырое тесто, из которого жизнь что-то такое вдохновенно лепит. В тридцатник ты уже готовый батон...

Вот оно, слово — батон. В двадцать твоё тесто еще поднимается, набирает высоту и, даже если все вокруг твердят, что дальше по ходу конвейера — печка, это «там» еще не здесь.

А в тридцать уже нет никакого «там». В тридцать выясняется, что тебя уже испекли. И хоть все отлично и очень солнечно, жизнь становится интереснее с каждым днем и можно совершенствовать себя по ста восьми разным методикам, были бы время и деньги, на самом деле уже понятно, что дальше и как.

Вот так же, как сейчас, только с каждым днем твой батон будет немного черстветь, жизнь будет отщипывать от тебя по кусочку, и в конце концов останется старческий сухарик. Горбушка-бабушка. В английском действительно есть такое слово — «babushka».

Такие дела, подруга. Будешь активно работать над собой, заниматься йогой и ходить к коучам на тренинги, станешь «бабушкой». А иначе помрешь простой бабушкой с ударением на первом «а». Все предсказуемо и линейно.

У самцов в педофильском патриархате, конечно, маршруты немного другие, а у нас все вот именно так — и разные красивые исключения с женских сайтов только подтверждают правило. Рысь права. Она умная. И уже была там, где я сейчас.

Такое чувство, что раньше твой мотобайк ехал в гору и все впереди было скрыто большой скалой (я знаю похожее место в Гоа) — а потом ты повернула, и дорога теперь видна далеко-далеко. Она, если честно, идет вниз, и ехать по ней ну не то чтобы скучно — но ты уже не визжишь от радости, поворачивая руль.

Зато в тридцать ты умная. Ну или так тебе по глупости кажется.

На самом деле жаловаться грех. Время, как ни странно, пошло мне на пользу.

Бывает, что в тридцать лет девушка уже полная тетя, особенно когда есть мохнатый муж и дети, ежедневно выдаивающие бедняжку досуха. Но мне кажется, что дело здесь не столько в эксплуататорах, сколько в генах. Гены решают все. Такой вот патриархальный междусобойчик.

В двадцать я была симпатичной пышечкой — милое полудетское личико, в котором проще опознать котика, чем человека. Я в это время обожала так фотографироваться — красная кнопка на носу и по три черных черточки на щеках: усы.

Мы тогда еще не знали, что это символическое потворство объективаторам, видящим в женщине исключительно киску в техническом смысле. А может быть, в глубине души знали — и сознательно потворствовали.

В конце концов, пока ты молодая и красивая, патриархат не так уж и страшен и солидарность между девушками, на которых есть спрос, и теми, на кого его уже нет, отсутствует. Это плохо — но мы, увы, понимаем подобное только с возрастом, когда переходим во вторую категорию, о чем постоянно говорит Рысь. Здесь полагалось быть смайлику, но его не будет.

К тридцати я похудела. У меня вообще не особо крупные формы, и это хорошо, потому что время безжалостно к бюстгрудному стандарту. Дыни быстро портятся, апельсины и лимоны сохраняются лучше. Некоторые девушки с единичкой и даже двойкой десять лет назад, помню, ставили силикон. Из моих знакомых — аж две (сейчас обе уже вынули). До чего же надо докатиться внутри себя для такой

капитуляции... Как вопрошал когда-то кадет Милюков, что это — глупость или маркетинг?

Главное, все делается ради самца — но его таким образом не усладишь, потому что ему нельзя будет толком браться за эти места. Самцы постоянно принимают женские молочные железы за гири в спортзале, а такого ни один имплант не выдержит. В общем, совсем не моя тема, и я даже не понимаю, почему на нее отвлеклась. Наверно, все-таки когда-то про это думала, но господь не попустил. Спасибо.

Самая приятная возрастная трансформация произошла с моим лицом — оно подсохло, подтянулось, похудело и стало... мною. Как сказал культурист Петя (о нем еще расскажу), «когда на тебя смотришь, сначала кажется, что ты только наполовину красивая. Ну, как бы красивая не до конца. И сразу хочется подойти к тебе, погладить и простить».

Угу. Их на самом деле довольно длинная очередь — тех, кто хочет подойти и все простить.

В общем, совершенно искренне — если сравнить меня в двадцать со мной в тридцать, второй вариант нравится мне гораздо больше. И другим тоже. Как выразилась одна подруга, «из кринки получилась амфора». Наверно, намекала на античный возраст, но я поняла позитивно.

Вот только есть в этом и обратная сторона. В двадцать вперед была я нынешняя. А что вперед у нынешней меня?

Я практически блондинка. Ну, если чуть-чуть доработать. Когда полгода назад я обрезала волосы выше плеч и сделала себе качественный флис типа «полгода в Гоа» (не путать с бэби-лайтсом «прощай молодость»), от прежней Сашки ничего не осталось. И получилось очень. Ну просто очень-очень. Начали звать на кастинги, съемки и в путешествия — патриархат конкретно навел на меня свой хлопающий телескоп. Что уж врать, такое всегда приятно. Даже когда не слишком любишь этот самый патриархат.

Надо всегда помнить, сестра, что физическая привлекательность — оружие в нашей борьбе. Шучу. А может, и нет.

Я, к сожалению, не лесбиянка. Вернее, не полная лесбиянка. Вернее, как сказал Веничка Ерофеев, полная, но не окончательная. Пробовала, пыталась, но увы — уйти в это направление всем своим существом не смогла. Я говорю «к сожалению», потому что это решило бы многие морально-межличностные проблемы и было бы куда эстетичней физически. Но я, что называется, *straight as a rail*.

Я имею в виду отечественные рельсы, конечно. То есть я *straight* процентов на семьдесят. Или на шестьдесят пять.

Мальчики. Много о них не скажешь, но пару строк они заслуживают. У меня не очень складывается с мальчиками надолго. И если не считать одного исключения, «гудбай» говорю я.

Нет, я им нравлюсь, за мной бегают, дарят цветы и так далее. Но потом, когда начинается, как выражается моя мама, «совместное ведение хаоса», мне быстро надоедает. Как сказала по этому поводу Рысь, секрет стабильных отношений с мужчиной в том, чтобы успеть проникнуться к нему пронзительной бабьей жалостью до того, как он начнет вызывать тяжелое бытовое омерзение. Она успевает, а я нет.

Мужчина, по-моему, способен на вежливость и заботу только на своем гормональном пике — стоит ему пару раз стравить давление, и в нем неизбежно просыпается свинья. Воспитанный самец просто лучше и дольше маскирует свою хрюшу, но это симпатичное животное всегда на месте.

Один сильно взрослый человек сказал мне в свое время интересную вещь: мужчина платит не за секс. Мужчина платит за то, чтобы после секса женщина быстро оделась и ушла. Вынесем шовинизм за скобки этой тестостероновой мудрости — и получим, увы, голую правду.

Если воспользоваться канцеляризмом из отечественного учения об эросе, мужчина способен на нежность, интерес и тепло только как

на «предварительную ласку». Это так и есть — любая девочка с мозгами, подумав пять минут, найдет сотню доказательств.

Все его милые проявления, в том числе дорогие подарки и даже внезапные букеты белых роз на твое двадцатисеми-с-половиной-летие, имеют строго предварительный характер. Не в том смысле, что он расчетливо калькулирует. Просто он делается романтичен, нежен и щедр, только когда его пробивает на стояк — и гипофиз, или что там у них болтается между ног, впрыскивает ему в череп струю надлежащих гормонов.

Мужская нежность — это такой буксирчик, курсирующий между буквами «Ы» и «У». Ты для него то остро необходимая дырочка, то слегка обременительная дурочка, своего рода сумка с кирпичами, к которой его привязывает порядочность или привычка.

В худшем случае на второй части циклограммы он хамит и наглеет, в лучшем делается снисходителен. Снис-хо-ди-те-лен, даже когда извилин у него еще меньше, чем денег. Мурзик, ты еще здесь? Вот тебе бантик, поиграй, только тихо.

Самое жуткое, что ты таким мурзиком и становишься, поскольку твоя природа совершенна и пластична — и, когда, уже окончательно демаскировавшись, он торчит перед

тобой как лом в дерьме (идеальное натурфилософское описание мужского начала), ты способна обволакивать и огибать этот самый лом сотнями разных способов.

Парень цикличен, как стиральная машина. Его личность, как правило — это плохо написанное программное обеспечение к небольшому члену. А ты спокойная, ровная, глубокая и постоянная (если вычесть три дня в месяц) — но ведь надо как-то уживаться рядом. Вот и играешь некоторое время с бантиком, а потом просто перестаешь отвечать, когда он звонит.

А он, кстати, еще и не звонит, потому что «корректирует баланс значимости», прослушав на ютубе фемофобную лекцию какого-нибудь смазливового знатока женских сердец, который все никак не решится открыть там же дополнительный лавхак-канал для геев.

Я обсуждала эти темы с Рысью, и здесь у нас полный консенсус. Только она считает, что в педофильском патриархате третьего мира женщина неизбежно должна мириться с храпящим рядом уродом, а я так не думаю — но у нас просто разные жизненные обстоятельства.

Мой нынешний, Антоша, считает себя музыкантом. Мало того, он вдобавок поэт и писатель. Правда, стихи он иногда пишет хорошие, но «поэт», по-моему — это не столько способность к рифмоплетству, сколько общий

вектор души. Антоша в этом смысле отчетливый прозаик. Я бы даже сказала, почвенник.

Он младше на пять лет, играет на басу в экзистенциальной бездне и заодно пишет ей тексты (я не шучу — они правда называются «Экбез», «эк» пишется синим, «без» красным, и на каждом концерте вокалист расшифровывает название).

Пишет он чуть лучше, чем играет. Последние полгода он занят тем, что сочиняет книгу по древнеяпонскому образцу — короткие прозаические отрывки с вмонтированными в них стихотворениями. *Моногатари*, как он выражается. Правда, стихи у него длиннее, чем у японцев, но иногда выходит мило.

Живет он то с родителями, то снимает. Встречаемся на моей территории — у меня замечательная студия-однушка, спасибо маме. Иногда оставляю его ночевать. Но не слишком часто, чтобы не привыкал.

Меня почему-то трогают его усы. Они у него полудетские, еще мягкие и не до конца даже темные.

Он постоянно пытается поставить мне свою музыку — а я прошу его не пихать меня с экзистенциального обрыва. Один раз я все-таки сходила к нему на концерт, там было много разных групп, у «Экбеза» один номер. Они спели что-то такое про «трахи под спидами» — и я

сначала подумала, это про болезнь. Типа как у Земфиры — «у тебя спид, и значит мы ага».

Он разъяснил потом, и даже показал. Он, кстати, постоянно пытается меня накурить, нанюхать или натаблетить. Пытался уколоть, но получил по мозгам. А этот его знаменитый «трах под спидами», по-моему, технически возможен только между двумя женщинами — по результатам наших экспериментов могу сказать, что мужская писька превращается под ними в мягкую шелковистую тряпочку, которой хорошо протирать очки или полировать ложки.

Правда, кое-чему полезному он меня научил. Например, вставлять во всякие статусы, письма и даже в эти вот записки фразу «эмодзи_ (требуемый_текст).png.»

Это вербальное описание картинки-эмоdзи в формате «.png», как бы обдувающее читателя смрадным ветром Кремниевой пустыни. Своего рода подпольное сопротивление мэйнстриму. Мне этот прикол безумно нравится, я им постоянно злоупотребляю и собираюсь злоупотреблять и дальше.

Антоша еще не знает, но мы с ним скоро расстанемся — из-за его наркотиков и вообще.

Как намекал евангелист, каждая девушка, смотрящая на своего мужика изучающим взглядом, уже разошлась с ним в сердце своем.

Антоше нужна не подруга, а новая мама, и он, по-моему, считает, что уже ее нашел. Полезный для меня опыт.

Понимаешь, как это бывает — родить вот такого малыша, а потом всю жизнь на него горбатиться и думать, куда бы его пристроить. И при этом, что самое страшное, его любить.

Нет, я Антошу тоже в принципе люблю. Мое сердце даже на холостых оборотах дает небольшой позитивный выхлоп, и тот, кто под него попадает, будет вполне себе любим — но временно и быстрозаменимо, как крышка. А мама своего оболтуса будет любить уже не так. Вот где роковая смертельная страсть, которая перевернет жизнь и опалит всю душу.

До Антоши был Петя. Старше меня на два года, фанатический качок. Тоже, кстати, наркоман — только сидел не на спиде, а на гормонах и анаболиках, и еще непонятно, что для здоровья хуже. Бытовые наркотики Петя ненавидел и даже зачитал мне однажды цитату из монументального труда Арнольда Шварценеггера про культуризм:

Если некоторые люди все еще думают, что марихуана, амфетамины или кокаин помогут им развить выдающуюся мускулатуру, а тем более стать чемпионами, то они живут в мире иллюзий.